

В тысячелетней истории Старой Руссы особого смысла исполнили те восемь лет прошлого века, когда здесь подолгу жил Ф. М. Достоевский.

В память об этом времени весной нынешнего года в Старой Руссе был открыт Дом-музей писателя. Восстановлены жилые комнаты и кабинет, где написан «Подрасток», создавались «Братья Карамазовы», где Достоевский работал над знаменитой пушкинской речью.

Значительным событием в культурной жизни города стала прошедшая в конце ноября конференция «Достоевский и современность». Она завершила посвященные Достоевскому литературные чтения в Новгородской области, организованные обкомом КПСС совместно с Союзом писателей СССР. На конференцию в Старую Руссу приехала писательская делегация, возглавляемая секретарем правления СП СССР Ю. Суровцевым.

Заседание открыл секретарь Новгородского обкома партии В. А. Цалпан. Слово о Достоевском произнес Ю. Суровцев.

Актуальным проблемам сегодняшнего восприятия художественного и идейного наследия Достоевского посвятил свое выступление В. Богданов (Москва). На некоторых узловых моментах жизни и творчества Достоевского, впитавших сложность и противоречивость общественно-политической ситуации в России, остановился И. Волгин (Москва). О влиянии Достоевского на развитие литовской литературы говорил Р. Кашаускас (Вильнюс). С напоминания о друж-

бе русского писателя с казахским просветителем Ч. Валихановым начал свое сообщение П. Косенко (Алма-Ата).

Создание Дома-музея Достоевского, как отметил Г. Горышин (Ленинград), потребовало многих лет напряженного труда. Оратор выразил надежду, что мемориал в Старой Руссе со временем

станет в ряд с самыми значительными центрами отечественной культуры. С тем, как работает музей, как будет развиваться мемориальный комплекс, познакомила собравшихся заведующая домом-музеем В. Богданова.

В работе конференции приняли участие Д. Гусаров

(Петрозаводск), Н. Джумаев (Ашхабад), Н. Евдокимов, Михаил Колосов (Москва), Г. Коновалов (Саратов), Ю. Крашенин (Новгород), Ю. Куранов (Псков), А. Лейфер (Омск), В. Марченко (Москва), Валерий Шевчук (Киев) и другие.

Публикуем выступление на конференции Ю. Суровцева.

# ДОСТОЕВСКИЙ

# И

К 160-летию со дня рождения  
великого писателя

Ю. СУРОВЦЕВ

# СОВРЕМЕННОСТЬ

**ВЕЛИКИХ** писателей прошлого принято называть вечными спутниками человечества. Они всегда современны, их творчество всегда актуально. Это так. Это правильно, если смотреть с вершины истории действительно всего человечества. Но в правильной этой метафоре есть одна опасная черта: все классики вроде бы тут и уравниваются в своем живом значении для нас. А ведь на самом деле не все они одинаково близки нам, нашему сегодня, нашему движению вперед по дорогам исторической жизни. Одни идут в отдалении от нас, пусть и вместе с нами, а вот другие шествуют с нами рука об руку, и не как спутники даже, а как сотоварищи, подчас — проводники.

Та общечеловеческая культура, культура гуманизма, которая создавалась веками, которую мы по завету Ленина наследуем во имя коммунистического созидания, — она сама есть явление подвижное, постоянно расширяющееся в своей необходимости для нас, людей развитого социализма. Наши потребности становятся все богаче, и они расширяют спектр нужного нам наследия. Но, как во всяком спектре, и в этом есть центральные линии.

Федор Михайлович Достоевский — он непременно в центральных отрезках спектра и все более укрепляется, укореняется именно здесь, — иначе говоря, он становится все нужнее нам душевно и эстетически.

Почему?

Легко ответить: мол, потому, что Достоевский гений. Да, конечно, он гений. Это признают все. И даже Горький, художник совсем иного творческого и идейного склада, споря с Достоевским, сравнивал масштаб его дарования не с кем иным, как с Шекспиром. И Томас Манн, написавший знаменитую статью «Достоевский — но в меру». Все сходится в признании особой изобразительной мощи Достоевского, пронзительного сердцеведения, насквозь драматичных, неповторимо нова-

торских по своим целостным формам романов его.

Все так, но лишь признанием художественной гениальности Достоевского притягивающую, завораживающую силу воздействия его романов на людей XX века не объяснить. А в толкованиях **направленности** его художественных созданий запечатлеваются идеологические бури времени, причем в веке XX отнюдь не слабей, напротив, сильнее запечатлеваются, чем в годы жизни писателя. И мы должны сделать выбор в кардинальных направлениях толкований творчества Достоевского.

Как часто его превращали то в апологета новой церковности, то в мистика, то в дюжинного монархиста, то в философствующего экзистенциалиста до экзистенциализма... Так или иначе, но эти однобокие, спекулятивные, идеологически корыстные толкования всегда приводили к выхолащиванию из творчества русского гения (гениальность признавалась и спекулянтами) живой души его, устремленности к страдающему, обиженному народу русскому, да и само художество Достоевского, по сути, рассматривалось как иллюстрация неких абстрактных, вневременных тезисов, как переодевание идей (часто вполне реакционных, что спекулянтами не без торжества подчеркивалось) в романские персонажи. На удивление, и до сих пор, даже в нашей претендующей на новаторскую научность литературе о Достоевском, характеры и конфликты бессмертных романов то объявляют скроенными по некой «алгебраической» методе, — подставляя, мол, в эти «алгебраические» формулы любую жизненную конкретность! — то центром художественного и нравственного мира Достоевского, а стало быть, и главной причиной его притягательности делают некую «соборность», или же всечеловечность, о которой говорил Достоевский в знаменитой речи о Пушкине, но которая трактуется иными его нынешними интерпретаторами в качестве исконной «мессианской» роли русской культуры без различия социальных сил в ней.

Тем самым волюно или неволюно умаляется значение **социально-психологической аналитичности** — главного художественного оружия Достоевского в отношении к реальности его времени, реальности «переворачивающейся» России, чьи противоречия с невиданной остротой отразились в противоречивом творчестве гениального романиста. Умалается могучий **реализм** Достоевского, как он говорил сам, реализм в высшем смысле, в котором сливаются воедино чувство живой жизни и размах нравственно-мучительных вопросов о том, почему же столь унижен и осрамлен человек — унижен и оскорблен не чем иным, как **буржуазной** дей-вительностью.

Да, у Достоевского немало такого, что не только не соответствует, но прямо противостоит **нашим** идеям и на-

шим моральным принципам. Это, например, его христианничество. Оно — не в прославлении человеческой красоты Христа: нам вняты человековедческие подходы к этому образу у художников прошлого — от мастеров Возрождения и до Александра Блока, скажем; нам кажутся знаменательными «смущения» Победоносцева, читающего «Братьев Карамазовых», — ах, сколь недостаточно опроверг автор атеистические доводы в своем христологическом произведении, сколь человек подход его к фигуре богочеловека. Христианничество Достоевского сказалось в неприятии им революционного движения, во вражде его к революционной демократии и к материалистической философии. Этого мы в Достоевском не принимаем и не примем! Как и его слишком общего отрицания современной ему западноевропейской жизни, характеризующейся отказом от Христа, от гуманности, как и его наивно-реакционной веры (впрочем, им же самим постоянно ставившейся под испытание сомнением) в царя как некоего «отца» для народных масс, заданных царской же бюрократией.

Эти и подобные мотивы и стороны романов и публицистики Достоевского, мешавшие гению-реалисту, хотя и преодолеваемые его гениальным чувством реальности и совестью **художника-демократа**, все эти мотивы и стороны, воплощавшие — по ленинскому выражению из статей о Толстом — «предвещивающие» писателя, то, «что принадлежит в нам прошлому, а не будущему», — это, однако, да не закроем нам глаза, да не помешает нам увидеть исторически бесценный разум Достоевского, непреодолимое в его наследии!

Достоевский был идейным противником революционного демократа и материалиста Чернышевского. Но он не был противником демократии, он по-своему верил в народ и писал во имя его пробуждения. И в виду он имел пробуждение, приобщение к мысли и свету именно массы трудового русского народа. Вот его известный символ веры: «Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке... Верую даже, что царство мысли и света способно водвориться у нас, в нашей России, еще скорее, может быть, чем где бы то ни было...»

Достоевский был непримиримым и яростным критиком буржуазного аморализма, лишавшего целые народы права на самостоятельное развитие, да что там говорить! — права на самое жизни, и XX век покал чудовищной и империалистической практикой, до каких бездн бездн этот аморализм может дойти!

Достоевский, скажут, да и говорят неустанно, наши иде-ные прстивники, был против

социализма. Поэтому, мол, нечего нам брать его в свои союзники.

А мы берем! Да, печально, что Достоевский понимал под социализмом лишь буржуазно-индивидуалистические его варианты, то есть, по сути, лже-социализм. Но Достоевский не был и не стал врагом социализма. Напротив, его критика буржуазности, мещанского эгоизма, индивидуалистического своеволия, анархичности перекликается с подлинно социалистической критикой этих явлений. Луначарский писал о том, что гнев Достоевского против социальной несправедливости был настолько глубок, что и после его отхода от утопическо-социалистич-ких идей молодости гнев этот бушевал в душе писателя, продолжал, как красочно пишет Луначарский, «свою полускрытую вулканическую деятельность».

«...Эло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты...» — скажет Достоевский. Что же, он прав по отношению к социалистам домарковского социализма, и, мало того, он глубже других показал истоки этого не исцеляемого благородно-утопическими рецептами зла: власть чистогана, буржуазность в жизненном устройстве и в душах людских. Вот почему сегодня особенно актуален его спор с **лжесоциалистами**. Мы знаем, как много противников реального социализма рядится сегодня в тогу якобы истинных социалистов: от дюжинных буржуазно-либеральных филантропов до оголтелых террористов типа «красных бригад», перед которыми меркнет всякая злодействующая «нечаевщина».

Достоевский-писатель — это отнюдь не вневременной «алгебраист» занятый неким абстрактным моделированием «пограничных ситуаций». Достоевский весь в злобе своего дня, своей современности, но он так глубоко проникает в ее нравственное напряжение и так широко обобщает ее нравственные уроки, что это-то и делает его нашим собеседником по сегодняшним вопросам жизни.

Жизнь наша сегодня совсем иная, чем во времена Достоевского, мир вокруг — надо ли это доказывать? — совсем иной. Но как и тогда, и более, чем тогда, наше время — это время исторического перехода, время динамики, время изменения мира в масштабах несравненно больших и по смыслу несравненно более гуманистических, ибо мир идет к социализму, подлинному, научно прогнозируемому.

Мы живем в самом гуманном из всех современных обществ и во времена постоянно растущего внимания к человеку и нравственной взыскательности к нему. Сегодня, как никогда, требуется от каждого из нас и от всех нас вместе огромная внутренняя работа, воспитание и развитие истинно гуманистических, по-социалистически, по-коммунистически гуманных интересов и потребностей личности.

В этой работе Достоевский — наш вечный и высокоценный спутник, он наш соратник.